

Первые дни каникул обернулись для меня настоящим кошмаром. Тот вихрь эмоций, охвативших Гарри, когда его обняла мама... Это невозможно было описать в словах. «Боль, ярость, обида, желание»... Все это — всего лишь слова, и они не способны передать даже малой доли того эмоционального шторма, который охватил Гарри. Мама... Что же ты наделала?! Ведь это никак не подтолкнет Гарри ко мне. Никак. Я чувствую это и знаю.

Два дня я металась по дому, я кричала по ночам и не могла заснуть. Зелье Сна-без-сновидений помогало... но его действие проходило, и все начиналось сначала. Так и хотелось спросить: «мама, за что ты так со мной?». Но даже это было недоступно, если, разумеется, я не хотела рассказать всем о своей «особенности», и присоединиться к Луне Лавгуд в списке «странных» и «не таких».

На третий день к нам в гости зашел Дамблдор. И злость, разливаемая его всепрощающим и всепонимающим добрым взглядом — пригнула меня к земле. Пройдя по дому и любезно поздоровавшись с нами, детьми, директор увлек взрослых с собой в кабинет папы. Я переглянулась с близнецами, и в первый раз за эти дни улыбнулась. Мы не стали делиться этой мыслью ни со старшими, ни с Роном, но все помещения в доме близнецы оборудовали подслушивающей системой собственного изобретения, которая отлично пряталась в чарах, поддерживающих целостность дома. Так что, оставив Рона медитировать перед тарелкой с едой, я потащила близнецов за собой, «обезгномливать сад». Очень удобная отмазка, когда надо отделаться от внимания старших и Рона. А то, что манок для гномов моего собственного изобретения аккуратно припрятан в подвале — это никого не касается. Так что гномы в нашем саду не переведутся, и повод для уединения без посторонних у нас с близнецами есть почти всегда.

— Фред, пожалуйста, приглядывай за подходами. — Попросила я одного из близнецов. Было бы особенно неприятно, если бы нас застукали за подслушиванием именно сегодня.

— Хорошо. — Кивнул тот из моих братьев, что стоял слева. Думаю, что и без моей просьбы близнецы проследили бы за окружающим... Но так мне спокойнее, и они меня отлично понимают и не обижаются. Балуют они меня...

— Слушаем. — Поднял руку Джордж. И мы напряженно замерли.

— Молли! Ты что творишь! — В таком знакомом голосе часто гостившего у нас директора слышны совершенно незнакомые нотки злости и даже ярости. — Для того ли я давал тебе кровь Гарри, чтобы ты ее так бездарно тратила?!

— Директор! — В голосе мамы слышна точно такая же злость. — Я не собираюсь стоять и смотреть, как эта грязнокровка уводит у моей дочери Мальчика-который-Выжил! Обретенная должна достаться Рону, а не мешать моим детям!

Мы с близнецами ошеломленно переглянулись. Такого мы как-то даже не ожидали. Выходит, мама все распланировала за нас? Тогда... Тогда ... Люблю ли я Гарри? Или это тоже наваждение, злой морок, созданный мамой «на благо семьи»?

— Не хочешь смотреть на Обретенную с Поттером — будешь смотреть на кое-что другое. Подождала бы спокойно, дура набитая, и получила бы все на блюдечке. Грязнокровая подружка Мальчика-который-Выжил — это же живая мишень для Пожирателей. А теперь... Если ты еще не все испортила, то очень и очень затруднила. Поттер при помощи Грейнджер составил заявление и подал на тебя в суд.

— В суд? — В наушнике слышался смешок. — Ничего они не докажут! Второкурсники-то...

— Докажут. — Тяжело вздохнул Дамблдор. — Они пригласили Малфоя в качестве эксперта. А этот мелкий змей и мои привороты ухитрялся снимать с Грейнджер.

Я задохнулась. Значит... значит та история с зельями, о которой, по словам близнецов, в прошлом году говорил весь Хогвартс — это дело рук самого Дамблдора?

— Ну... докажут. И что? Будем выплачивать ему виру... по два кната в год. Я законы знаю!

— Знаешь. — Тяжело вздохнул Дамблдор. — Да не те. Поттер не требует виры. Он требует адорат.

Я недоуменно посмотрела на близнецов. Те пожали плечами. Похоже, они тоже не знают, что такое этот самый «адорат». Но, судя по воцарившемуся молчанию, родители это знают... и знание это их не радует.

— Адорат... — Тяжело, через силу произнесла мама. — Не могу поверить... Чтобы моя доченька... подстилкой... этому... этому...

— Не этого ли ты хотела, составляя приворот? — Голос Дамблдора выражал безграничное участие.

— НЕТ! — Мы чуть не оглохли. — Он бы попускал слюни, рассорился с грязнокровкой, побегал за ней... а там действие приворота кончилось бы, и они уже строили отношения как нормальные дети! Он не успел бы...

— Теперь, похоже, успеет. — Мягко ответил директор. — «Время Главы Рода — драгоценно. Так что девушка, ради которой Главу отравили приворотным зельем — становится его адорат на срок действия приворота». Проклятые Кодексы Крови! Почему, ну почему их нельзя отменить?! Ведь совершенно очевидно, что они — устарели, и крайне несправедливы... Я надеялся, что о них хотя бы забудут... Но благодаря твоей, Молли, глупости... Хорошо еще, что они все-таки подали в суд, а не потребовали адорат «волей Силы и Магии».

— Я, конечно, давно не сражался, и успел немного подзаржаветь... — В первый раз за все время вмешался в разговор папа. — Но все-таки, с второкурсником...

— Против тебя вышел бы Снейп. Как регент рода Поттер. — Припечатал Дамблдор. — А он все еще хочет получить проклятую должность, и тренируется ежедневно.

— Тогда — да... — Протянул папа. — Но, неужели ничего нельзя сделать?!

— Можно. — Ответил Дамблдор. — Я постараюсь затянуть с началом рассмотрения дела. Но дольше чем до конца каникул — не смогу. Меня не поймут. Так что суд будет в последний день каникул. Джинни должна заявить на суде, что ни в чем не виновна. Это проверят веритасериумом...

— И ее отпустят! — Радостно вскрикнула мама. — Ведь она...

— Нет. — Жестко ответил Дамблдор. — «... девушка, РАДИ которой отравили», а не «которая отравила». В старые времена так рушили неудобные политические браки. Сейчас, слава Мерлину, об этом почти забыли... Зато теперь — вспомнят...

— Но... — Растерянно отозвалась мама. — Что же делать...

— На заседании я постараюсь расколоть голоса судей, и не доводить до обращения к артефакту крови. А значит — будет подана апелляция, потом еще одна... а там, глядишь, и срок действия твоего глупого приворота закончится, так что Джинни объявят «адорат», и тут же, в зале суда — отпустят. Но, сама понимаешь, апелляции — это деньги. И каждую апелляцию можно проиграть, а тогда...

— Я... я все понимаю. — Голос мамы звучал как-то... глухо. — Мы найдем деньги...

Я выдернула из уха наушник подслушей. Близнецы стояли рядом со мной в ошеломлении.

— Ну твой Поттер и... — Начал Джордж.

— Молчи. — Заткнула я брата. — Он прав. Ты просто не чувствовал, как ему было плохо, когда его накрыл приворот. Совсем не чувствовал. Хорошо, что он не сделал большего...

Пока братец готовился ответить, мне буквально в руки упал филин семейства Малфой. От его лапы я отвязала записку, и филин улетел прежде, чем мы смогли ему что-либо предложить. Записка была написана удивительно знакомым почерком.

«Прости. Твоя мать сумела подсунуть мне приворот. Я не мог оставить ее действия без ответа. Я подал в суд. На суде стой твердо и говори правду. Ты — невиновна. Пусть хоть легиленцией проверяют, хоть веритасериумом. Мы затянем разбирательство, а потом я откажусь от иска «в связи с прекращением действия приворота». Кстати, как только выпустишь записку из рук — она сгорит. Еще раз: «прости».

Я показала записку близнецам. Они переглянулись и пожали плечами.

— Ты — права.

— Он в своем праве. Брось записку.

— И больше ее никому не показывай.

Я уронила бумажку, и до земли долетел только легкий серый пепел. Я села и задумалась. Следующий мой шаг мог определить все мое будущее, и его требовалось тщательно обдумать. Ухода близнецов я даже не заметила.

<http://tl.rulate.ru/book/69516/1849811>